Но совсем по-иному относится Епифаний к фактическим сведениям, не касающимся непосредственно личности подвижника. Большой интерес представляют описания религиозных обычаев язычников, рассказ о кумирах пермян, об их главном кумире «золотой бабе», сведения о местных промыслах, об охоте пермян.[9] Ученые рассуждения Епифания о языках и азбуках, об азбуке пермского языка и образцы букв, имеющиеся в житии, послужили толчком для лингвистических изысканий в этой области.[10] Епифаний описывает политическую ситуацию тех лет, рассказывает о взаимоотношениях Перми и Москвы, об отношении московской церкви к миссионерству Стефана.[11] Точны географические сведения Епифания, реальны описания быта и нравов пермян. Характерно, что именно Епифаний Премудрый дал названия племенам, населявшим Пермский край. Более того, само слово «пермяне» в письменности впервые было употреблено Епифанием.[12]

Не менее интересно отношение Епифаниевского жития к летописным данным о просветителе Пермской земли. Все сведения жития о Стефане, географическое описание Пермского края, справки этнографического и исторического характера встречаются и в летописях.[13] Исследование и сопоставление летописей и «Жития Стефана Пермского» позволяют сделать вывод, что до появления жития, написанного Епифанием, о Стефане Пермском почти ничего не было известно и что те летописные статьи, которые повествуют о деятельности Стефана или сообщают какие-либо сведения о Пермской земле, восходят к житию.[14]

Итак, мы видим, что писатель отбирает факты и использует их в зависимости от назначения той или иной части жития. В произведении Епифания немало разнообразных фактических данных и только биография подвижника лишь намечена.

Почему же так долго живет мнение о том, что Епифаний Премудрый пренебрегал реальными фактами, создавая свое житие? Видимо, вольно или невольно, у читателей и исследователей произведения, в центре которого находится Стефан Пермский, все внимание сосредоточивалось на его личности и весь памятник воспринимался прежде всего как биография пермского епископа, а из-за этого оставались без внимания те действительно важные и конкретные сведения, которые содержались в житии, но не касались биографии Стефана.

---

[9] А. Дмитриев. Историко-археологический очерк Чердынского края, стр. 27—32; Е. Попов. Великопермская и Пермская епархия. Пермь, 1879.

[10] П. Савваитов. Грамматика зырянского языка. СПб., 1850; Г. С. Лыткин. Зырянский край..., стр. I—IV, 1—220 и др.

[11] М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957, стр. 128, 135, 209; А. Н. Клибанов. Реформационные движения в России. М., 1960, стр. 159.

[12] А. Дмитриев. Пермская старина. Пермь, 1889, стр. 3, 50, 121—134.

[13] ПСРЛ, т. V, СПб., 1851, стр. 249—250; т. VI, СПб., 1853, стр. 129; т. VIII, СПб., 1859, стр. 69—70; т. XI, М., 1965, стр. 164—165; т. XXIII, СПб., 1910, стр. 135; т. XXVII, М.—Л., 1962, стр. 262, 337; т. XXV, М.—Л., 1949, стр. 226—227.

[14] Более подробно соотношение реалий и вымысла в житии, летописные параллели, принципы, которыми руководствовался Епифаний при отборе фактов, будут рассмотрены в отдельной работе.